

Будем жить!

Елена Езерская
(Москва)

Когда, пятнадцать лет назад, не дожив даже до года, но успев, однако, перешагнуть порог со- того спектакля, в Московском Доме

молодёжи сошёл на нет мюзикл Игоря Зубкова и Александра Вулых «12 стульев», судьба словно сделала свой выбор, оказав предпочтение другой сценической версии знаменитого романа – с музыкой Геннадия Гладкова и стихами Юлия Кима.

Причинами столь короткой театральной жизни первого из них вижу две. Повсеместному успеху сочинения Гладкова-Кима сопутствовала роскошная многосерийная экранизация Марка Захарова, ставшего соавтором либретто. Редкий зритель не видел в 1970-е – 1980-е годы телевизионный музыкальный сериал с таким звёздным составом исполнителей, что иной рекламы детичу мэтров отечественных кино и сцены не требовалось. Редкий театр не взялся за постановку этого

мюзикла, стараясь уж слишком откровенно не подражать экранному образцу, но на него опираясь и отчасти купаясь в лучах его славы.

Проект Александра Цекало и Дмитрия Богачёва (в постановке Тиграна Кеосаяна), осуществлённый на сцене МДМ – первой постоянно действующей, *ala Broadway* мюзикльной площадки столицы, был совершенно самостоятельным. И по литературному, и по музыкальному материалу не менее классным: шлягеров и реприз в нём хватало – авторских, остроумных и вполне пригодных для того, чтобы пойти в народ. Но этот спектакль не мог быть растиражирован ни телевидением, ни возможностью других театров быстро запустить его в репертуар. Бродвейские принципы эксклюзива задержали лет на пять 9а то и больше!) мюзикл И. Зубкова и А. Вулых в границах Садового кольца, но проблема всё-таки была не только в этом.

Авторы МДМ-ской версии «12 стульев» вышли «рано, до звезды». В начале двухтысячных в Москве темы и антураж сочинения Ильфа и Петрова оказались не ко двору и не по времени. Антисоветский психоз, как и «бендеризм» 1990-х, отошёл на второй план, в обществе по-

явился зажиточный элемент, который обзавёлся собственным бизнесом и идеей авантюрного обогащения отягощён не был. Именно эта прослойка стала основным контингентом залов во времена российского «мюзикльного бума», но смотрела-то она «Зорро», «Красавицу и Чудовище», «Кошек», «Мамма миа!» и «Звуки музыки». Изменение социальной ситуации отразилось и на репертуарной политике музыкальных театров в целом по стране – стали востребованы мелодрамы и романтические истории.

Сегодня история сделала очередной ретровиток: в моде опять всё советское – от продуктов питания до пафосности музыкальных хитов того времени. Советская символика и атрибутика нынче в ходу и существует не как протестный тренд, а олицетворяет стремление к той социальной политике и тому образу жизни, каковые без боязни воспринимаются многими теперь (в том числе и молодыми людьми) как образец для подражания и ориентир государственности.

И вот здесь-то другой, не гладковский, Остап Бендер вновь стал актуален. В трактовке Александра Вулых обаятельный и эксцентричный герой Ильфа и Петрова наделён чертами скорее булгаковского Воланда-философа, нежели советского Фигаро, и, кажется, не ищет запропавшие бриллианты Воробьянинова, а проводит его, потомственного интеллигента, по всем кругам ада, сопровождая до последней, трагической черты, и как бессмертный же – возрождается, давая своему ведомому вновь почувствовать себя Ипполитом Матвеевичем, человеком.

Блестящая литературная основа мюзикла (к ней в своё время с точки зрения развития драматургии сюжета приложили руку и Цекало, и Кеосаян) оригинальна хотя бы уже тем, что не следует дословно роману, а создана по мотивам – и текста, и образов. И поэтому Бендер – незнакомый, непривычный, и у большинства героев иной облик, иная судьба. И финал тоже другой – узнав о гибели Бендера, персонажи мюзикла осознают, что они скорее потеряли с его смертью, ведь благодаря ему каждый получил что-то своё, свой «подарок судьбы». Вмешательством Бендера в судьбу заводского «Гудка» газета стала популярна и её тиражи выросли. Васюковские шахматисты не рыщут в поисках Остапа, чтобы наказать его за обман, – идеи Бендера подвигли местные власти на строительство железнодорожного вокзала и проведение-таки международного шахматного

И. Зубков, А. Вулых. «12 стульев». Сцена из спектакля. Киса Воробьянинов – Алексей Исаев.

турнира. А капитан парохода, вдохновлённый «Чёрным квадратом» кисти Остапа, обретает новый смысл жизни и уходит из тех, «кто рулит», в свободные художники. И, наконец, мадам Грицацуева полюбила Бендера по-настоящему – почти как Маргарита Фауста (в которого вселился дух Мефистофеля). Литературной мистикой овеваны и отношения Остапа и Воробьянинова, опять же по булгаковски страдающего от последствий своего жестокого поступка.

И все эти изящные, ироничные писательские экзерсисы нанизаны на экзоскелет ревью, или как его ещё называют – «песенного мюзикла», состоящего сплошь из бенефисных номеров, мелодические приёмы которых охватывают едва ли не все типы советской песни – от бардовской до кино-романсовой, от парадной до ресторанной. Игорь Зубков как-то признался, что, сочинив мюзикл, показал его сво-

ему учителю, Тихону Николаевичу Хренникову. Прославленный композитор одобрил работу ученика и сказал: «Ты написал простую, запоминающуюся музыку, и исполнять твои песни должны такие же простые и очень увлечённые артисты». Так было, так есть и сейчас.

Очнувшись от очарования экранизации и громких имён её авторов и исполнителей, российские театры мало по малу начали осваивать новый для них материал – в постановку мюзикл И. Зубкова и А. Вулых в разные годы взяли в Волгоградском, Иркутском и Рязанском музыкальных театрах. В последнем этой осенью мне и довелось увидеть премьеру этих «12 стульев».

И, если раньше говорили, что ставить Ильфа и Петрова можно только тогда, когда у тебя есть в театре Остап Бендер, то в версии Зубкова-Вулыха важен ансамбль. И труппа Рязанского музыкального, (практически все ар-

тисты театра заняты в спектакле, и некоторые из них, как и хор и балет, играют в мюзикле несколько ролей) и есть такой ансамбль.

Театр взял эскизы Валентины Комоловой, сделавшей в своё время отличные костюмы для первой постановки мюзикла, но сценографию решил по-своему – санкт-петербургский художник Владимир Павлюк корректно вписал сопутствующую главным героям тему «дороги» в невеликие габариты рязанской сцены, когда «лёгким движением руки» декорация превращается то в рассечённое шторами-перегородками общежитие, то в улей лестничных клеток, то в вагон поезда, то в палубу парохода. В спектакле звучит «живой оркестр», ведомый, иногда, быть может, слишком эмоциональным Ринатом Бикташевым, но все музыкальные парафразы и аллюзии считаются и простроены. И, прежде всего, режиссёром Александром Сапуновым, который в этом проекте театра не только балетмейстер. Он ставит «12 стульев» как «Кордебалет» – по всем постановочным (не путать с организационными) канонам бродвейского мюзикла. Где хор и балет – такой же персонаж, как и солисты, только коллективный. И артистическая вершина этого «персонажа» – кабаретный номер в духе мюзикла Боба Фосса *All that Jazz*, стильно поставленный, отточенный в движениях и явно заслуживающий законных «бисов». Хор стремительно меняет амплуа и костюмы, не теряя точности музыкальных акцентов и вокальных интонаций, коих в этом мюзикле множество – в соответствии с музыкальной стилистикой, в которой слышны и отголоски фанфар «будней великих строек», и звучит страстное румынское танго «Поедем в Бухарест».

Хороши все исполнители-актёры: каждый сам по себе и в ансамбле, который режиссёр выстраивает как хореограф – связывая череду образов в единую, непрерываемую линию. Трогает отчаянная и самоотверженная любовь Грицацуевой – примадонна театра Ирина Маненкова. Мистически тревожит вальжный усач в кителе-френче, Капитан парохода «Скрябин» – Сергей Гайдей. Чем-то родным до боли веет от гитарной исповеди инженера Щукина – Антон Сvirкин. А как пророчески конкретен и безжалостен «жестоким романс» Воробьянинова («Родная Русь...») – Алексей Исаев провидчески живописует судьбу отечественной интеллигенции: вчера, сегодня, всегда... И, наконец, Остап, Валерий Вахрамеев. Звёздная роль. Сыграно на одном дыхании, но без чрезмерности нерва и водевильности. Пластичный, элегантный, завораживающий, точно попадающий в авторскую интонацию и в рисунок роли. И он вполне в будущем может быть Воландом.

Фотографии предоставлены пресс-службой Рязанского музыкального театра.

И. Зубков, А. Вулых. «12 стульев». Сцена из спектакля. Остап Бендер – Валерий Вахрамеев, Мадам Грицацуева – Ирина Маненкова.